

Мир и миф Фазиля Искандера

Фазиль Искандер — и экзотическое, и естественное явление русской словесности. Кавказ в русской литературе был изначально представлен русскими писателями как объект для изображения. С Искандером пришёл и заговорил сам Кавказ, и заговорил на русском языке. Известны замечательные прозаики и поэты Грузии, начиная с Николоза Бараташвили и заканчивая Чабуа Амирэджиби, Армении — напомним о Гранте Матевосяне, Азербайджана, Дагестана, Осетии, той же Абхазии... Но именно Фазиль Искандер в большую русскую литературу, в её основную, теперь уже можем сказать, классический корпус принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности. Сегодня этот процесс продолжается, но назвать прямых учеников и непосредственных преемников Искандера, обрисовать карту с именами тех, что есть школа Искандера, мне кажется, сегодня трудно. У по-настоящему больших писателей, правда, школы и не бывает. Они приходят и уходят сами, создавая свой мир и свой миф.

У Искандера — свой мир, свой Мухус, свой Чегем. Он создал свой миф и свой мир. Этот мир отображён и на реальной, и на воображаемой литературной карте.

То, что в литературу пришёл очень крупный талант, я поняла ещё будучи школьницей, когда прочла опубликованную в журнале «Новый мир» (спасибо родителям, которые выписывали журнал и не прятали его от детей) повесть «Созвездие Козлотура». Уже там мир Фазиля

Искандера предстал во всей его прелести, экзотичности и «описанности» в жгучей современности. И его проблематика, и его реалии, и его эзопов язык были понятны — и невероятно смешны. Но смех был особым, заставлявшим задуматься о грустных явлениях и самой атмосфере нашей жизни. В результате — после приступов смеха на лице повествователя застывала трагическая гримаса.

Немного автобиографии. Я жила в Москве, родители были журналисты, отец входил, как нынче говорят, в хрущёвский пул, в связи с чем весь наш журналистский дом на Ленинском в ночь на 16 октября 1964 года, перед снятием Хрущёва, сотрясаясь хлопаньем дверей — не спали, делились информацией. Так что трагикомическую атмосферу «Козлотура» я воспринимала исторически. Но сам художественный мир покорила сразу — и дальше он был узнаваем на протяжении десятилетий.

В мир Искандера мы проникаем через его произведения (весь романский комплекс «Сандро из Чегема», циклы рассказов, включая «Детство Чика», «животные» рассказы и сказки, от «Большелобого» до саркастических «Кроликов и удавов») и его героев (Сандро, красавица Тали, Софичка, чегемская Кармен...). Его вселенная населена персонажами, которых мы знаем, они вошли в историю нашей литературы, мы можем переключаться именами или афоризмами, просто вечно живыми цитатами. «Время, в котором стоим» — ясно, что речь о застое. «Человек, который хотел хорошего, но не успел» — это Ильич. Они узнаваемы. Слова и изречения Искандера сопровождают нас по жизни.

Перед сложностями времени Фазиль постоянно обращался за поддержкой к имени и творчеству Пушкина (как и Александр Блок в своей предсмертной речи и стихах «Пушкинскому дому»).

Его интонация, сюжеты, персонажи, стиль неподражаемы и уникальны, потому и говорим так: мир Искандера.

Этот мир вроде бы совсем небольшой, даже маленький, можно перенести в двух руках. Умещается в несколько томиков собрания сочинений; а изображено в нём и того меньше — сообразуясь с размерами

СССР, этой Абхазии хватит хорошо если на почтовую марку. Но эта марка — фолкнеровского масштаба. Йокнопатофская марка.

Искандер пришёл в литературу одновременно и вместе с шестидесятниками. Владимир Войнович, Георгий Владимов, Василий Аксёнов — вот его компания. На известном полотне Бориса Биргера «Красные бокалы» он изображён рядом с Бенедиктом Сарновым, Игорем Виноградовым; Олег Чухонцев чуть поодаль. Не забудем Станислава Рассадина, давшего имя — шестидесятники! — всей шарашке. В этой компании он нашёл своё место, своих товарищей, своих коллег. Они вместе печатались («Неделя», «Юность», «Новый мир»). Но его творчество отличает странное равнодушие к компании! Своеобразии пути — он испытал то, что Карякин намного позже назвал «переменной убеждений», вплоть до бесконечных, мучительных сомнений и выбора верований и ценностей. Напряжение нравственного выбора, порой отражавшееся на его лице мучительной гримасой, отличало его от тех, которые были всегда уверены в своей правоте. А он — нет, не всегда. Он был другой, больше, чем шестидесятник, он вышел из своего поколения, преодолел рамки своей малой родины, преодолел рамки России, потом Советского Союза, он выходил к тому, о чём я говорила в начале: к созданию своего исключительного, искандеровского мира. Сожалею, что он не получил Нобелевскую премию — как художник, расширивший наш мир до его художественной вселенной, заслуживал её присуждения. (Другое дело, что к концу жизни он спрямлял свой путь, уходил в прямую речь, начинал судить и выносить моральные приговоры, теряя артистизм, особенно в поэзии, — но сейчас не об этом.)

Искандер был принят читателем сразу и навсегда. Пафос Искандера ушёл в стихи, стихи представляют собой его открыто социальную и даже открыто политическую часть его наследия. Гражданственность его стихов несомненна. В отличие от прозы, которая позволяет смотреть на проблему с разных точек зрения. Стихи и эпиграммы его бичуют и жгут, а проза его — лечит.

Страна моя, в лавинах лжи
 Твои зарыты поколения.
 Где крепость тайная, скажи,
 Духовного сопротивленья?

(«Гегард»)

Эта страна, как огромный завод, где можно ишачить и красть.
 Что производит этот завод? Он производит власть.
 Власть производит, как ни крути — хочешь, воруй и пей!
 Ибо растление душ и есть — прибыль, сверхприбыль властей.

Просто листовка, а не стихи! Бичующий Ювенал! «Я генетически не совпадал с рефлексами этой страны», — скажет Искандер в тёмные времена. Но и в другое, новое время им опять завладевает дух гражданского неповиновения:

И не новый сановник,
 И не старый конвой —
 Капитал и чиновник
 Тихо правят страной.
 Без особых усилий,
 Знать не зная греха,
 На глазах у России
 Жрут её потроха.
 Никакого тиранства,
 Не бунтует печать.
 А про доблесть гражданства
 Даже стыдно сказать.

(«Время»)

В мире Искандера прямая, обострённая гражданственность не противоречит особому, тоже обострённому чувству красоты. Идущему чуть ли не от античной культуры.

Кавказ Искандера — это не только Причерноморье и кавказские горы. Его Кавказ входит в бассейн Средиземноморья, связанный с ан-

тичностью, с «золотым веком» человечества. При этом искиандеровский мир допускает и современность — он включает в себя и революцию, и Гражданскую войну, в него входят и такие персонажи, как Ленин и Сталин, Хрущёв, колхозы.

Мир героев Искандера — это не только родственники всех, но и современники всех, как дядя Сандро. Искиандеровский хронотоп расширяется — и для него нужны и античные колонны на морском дне около Мухуса-Сухума, и деревянные танки, которые покатались по мухусскому шоссе с началом Гражданской войны.

Фазиль Искандер печатался и в известинской «Неделе», перед тем как появиться в компании авторов неподцензурного, сделанного скандальным «Метрополя». Но он никогда не появлялся на поле общественного конформизма. Однако при этом в качестве образца поведения он брал не героическую бескомпромиссность с возможно последующей высылкой из страны или с посадкой в поезд, идущий далеко на северо-восток, а лукавство дяди Сандро, который избегал исторических ловушек, — если вспомнить смертельно опасные игры со Сталиным. Одно из правил искиандеровского художественного мира — эзопов язык. И на этом языке он сказал гораздо больше, чем если бы он тогда говорил прямолинейно. Это помогало ему преодолевать чудовищную дисгармоничность советского мира и безобразия социального строя. Но преодолевал он эти уродства путём гармонизации окружающего — в природе и в архаике народной жизни, которую он искал в своей родной Абхазии.

Несколько слов об уродстве и этике.

Приведу цитату — свидетельство повествователя из повести «Созвездие Козлотура».

«Гораздо позднее, когда увидел на репродукции козлоногих людей, кажется у Эль Греко, я подумал, что художник пытался передать человеческое бесстыдство через уродство козлоногих людей».

То есть для Искандера-художника уродство, как нарушение замысла природы, уравнивается с бесстыдством, отсутствием стыда. Удивительный союз красоты и гармонии через преодоление уродства свойственен

поэтике Искандера. Социальное искажало естественные отношения между людьми, искажало язык, искажало реальность. И тут на помощь Искандеру пришёл смех, как один из способов гармонизации мира. Искандер соединил эзопов язык со смеховой культурой, которую воспринял и как культуру народную.

Условно говоря, если безобразия подвергается осмеянию, то воздействие безобразного снижается. Под смехом у Искандера я подразумеваю множество смеховых возможностей: и гротеск, включая политический, и сатиру, включая историческую, и народный анекдот. Это смех, возводящий к общечеловеческим понятиям добра и зла, жизни и смерти, свободы и рабства, истины и лжи. Смех не только гармонизирует, но и освобождает.

В этике Искандера важнейшую роль играет понятие благородства. «Я люблю деревья. Иногда мне кажется, что дерево — не только благородный замысел Природы, но и такой замысел, который призван намекнуть нам на желательную форму нашей души, то есть такую форму, которая, укореняясь в землю, сумела бы подниматься в небеса».

Он идёт путём метафоры, т.е. выводит понятие за его рамки. Дерево из явления природы становится нравственным примером построения души и одновременно аналогом построения романа «Сандро из Чегема», в котором одновременно рассказчик рассказывает рассказ за рассказом, и это продолжается очень долго, и у «дерева» романа Фазиля Искандера, как у реального дерева, развиваются и корни, и крона. Вот такая постмодернистская ризома — ещё до всех разговоров о постмодернизме.

Природное преобразуется в нравственное — это один из законов эстетики Фазиля Искандера. Причём нравственное — не значит правильное, т.е. соответствие правилам поведения. Напомню бестиарий Фазиля Искандера — отдельное поле для исследования — это животные Искандера, от «Широколобого», «Кроликов и удавов». Этические законы он проверяет на примерах, на аллегориях, на метафорах из животного мира.

Философская сказка, притча, фантастическая повесть «Кролики и удавы» была написана Искандером после разгрома альманаха «Метрополь», отчаянно смелой попытки группы писателей во главе с Василием Аксеновым обойти жесткую решетку цензуры. В связи с последовавшим литературно-политическим скандалом, вернее, выволочкой, устроенной писателям, посягнувшим на священные цензурные устои, писателями же, остававшимися за стеной идеологического страха и какбычегоневышлизма, Искандера перестали печатать. Сопrotивлялся ситуации он только тем, что умел как никто другой — сопротивлялся работой, новым сочинением, преодолевающим страх через особую форму смеха.

В этой притче — басне — сказке действуют животные.

Большая и плодотворная традиция мировой — и русской литературы.

В советском тамиздате (полуподпольном распространении запрещенной литературы, в отличие от самиздата, ввозимой из-за границы, проклятого зарубежья) особым успехом в 60-е — 70-е годы пользовались фантастические романы-антиутопии Джорджа Оруэлла — «1984» и «Скотный двор». Именно последний, я уверена, произвел на Искандера сильное впечатление.

Во-первых, там действовали животные — по методу родства вспомним повесть «Созвездие Козлотура», принесшую Искандеру первую и сразу оглушительную славу. Вспомним и рассказ о свободолюбивом широколобом буйволе, и «Джамхух — сын оленя», включенный в большую книгу «Сандро из Чегема».

Во-вторых, «Скотный двор» был пропитан афоризмами. И какими! «Все животные равны, но некоторые равнее» — не о нас ли, да, и о нас.

А афоризм, как и иносказание — стилистические радости Искандера. Как он радуется найденному меткому слову!

Так что пройти мимо «Двора» он никак не мог — и блестяще продолжил его поэтику, обогатив сюжет параллелями из нашей горькой актуальности. Здесь у Искандера уже совсем иная интонация —

саркастическая. Философия разочарования — не во власти, он никогда ею не очаровывался, — а в самих людях, дрожащих от страха быть съеденными кроликов, выдрессированных режимом (производственной гимнастикой). «Их гипноз — это наш страх», еще один искандеровский афоризм. Искандера настигло отчаянье — через разочарование в перспективах «сказочной» страны, где удавы с удовольствием поедают кроликов, даже поэтов и несогласных, а кролики подворовывают и мечтают о бесплатной цветной капусте.

Что такое красота и гармония в творчестве Искандера? Это не то, что есть, а то, чего нет и что постоянно ищет писатель.

«Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Он всегда в поиске — с подключением всех особенностей поэтики, о которых я говорила. И этими поисками он менял не только нашу литературу, но и климат нашей страны, наш климат общественный.

Наталья Иванова

ПОВЕСТИ

СОЗВЕЗДИЕ КОЗЛОТУРА

В один прекрасный день я был изгнан из редакции одной среднерусской молодежной газеты, в которой проработал неполный год. В газету я попал по распределению после окончания института.

По какому-то дьявольскому стечению обстоятельств оказалось, что мой редактор пишет стихи. Мало того, что он писал стихи, он еще из уважения к местному руководству выступал под псевдонимом, хотя, как потом выяснилось, псевдоним он взял напрасно, потому что местное руководство знало, что он пишет стихи, но считало эту слабость вполне простительной для редактора молодежной газеты.

Местное руководство знало, но я не знал. На первой же летучке я стал критиковать одно напечатанное у нас стихотворение. Я его критиковал без всякого издевательства, хотя, возможно, и с некоторым оттенком московского снобизма, что, в общем, простительно для парня, только-только окончившего столичный вуз.

Во время своего выступления я краем глаза заметил странное выражение лиц наших сотрудников, но не придавал этому большого значения. Мне, честно говоря, показалось, что они поражены изысканством моей аргументации.

Возможно, мне все это и сошло бы с рук, если б не одна деталь. В стихах, написанных от имени сельского комсомольца, говорилось о преимуществах картофелекопалки перед ручным сбором картофеля.